

РОГОВЫЕ ЛОЖКИ X–XI вв. С ГЕОМЕТРИЧЕСКИМ ПЛЕТЕННЫМ ОРНАМЕНТОМ ИЗ РАСКОПОК В НОВГОРОДЕ (по материалам Неревского и Троицкого раскопов)

© 2023 г. А. М. Гринев^{1,*}, Н. Н. Точилова^{2,**}

¹Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

²Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: amgrinev@mail.ru

**E-mail: arhivolt@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.10.2022 г.

После доработки 12.10.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

В статье представлено комплексное исследование четырех роговых резных ложек, обнаруженных в ранних напластованиях Троицкого и Неревского раскопов в Великом Новгороде. Основной особенностью, позволяющей выделять эти находки на фоне остальных, является высокохудожественный плетеный геометризированный орнамент, который ранее глубоко не изучался и не отражен в литературе на русском языке. Одновременное применение методов искусствоведческого и археологического анализа позволило интерпретировать происхождение плетеного орнамента, вписав его при этом археологический контекст. Ближайшие аналогии этим ложкам обнаружены в городских центрах Средней Швеции, которые находились на стыке скандинавской и саамской культур. В результате исследования выдвинута гипотеза о североевропейском происхождении данных предметов в культурном слое Новгорода. Декор этой категории предметов представляет собой одно из направлений скандинавского искусства, испытавшего саамское влияние.

Ключевые слова: средневековый Новгород, Сигтуна, Бирка, роговые ложки, геометрический плетеный орнамент, скандинавское искусство, саамское искусство, культурное пограничье.

DOI: 10.31857/S0869606323020101, **EDN:** RFRPHS

Формирование и развитие прикладного искусства древнего Новгорода домонгольского периода проходило под воздействием византийского, романского и скандинавского влияний. Результат соприкосновения изобразительных традиций может быть отмечен во всех сферах развития материальной культуры Новгорода от драгоценной церковной утвари до бытовых предметов. Одновременное сосуществование нескольких стилевых направлений приводит к появлению гибридных форм, включающих взаимодействие византийского и романского искусства, как, например, в Большом и Малом сионах из собрания Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, далее НГОМЗ (Покровский, 1911. С. 7; Стерлигова, 1996. С. 53), или в предметах, созданных под влиянием скандинавской традиции (Мусин, Тарабардина, 2019).

Наряду с произведениями, стилистическая принадлежность которых определяется достаточно точно, существуют изделия, декор которых нельзя с полной уверенностью отнести к одному

из трех перечисленных выше направлений. К ним относятся четыре ложки из лосиного рога (Смирнова, 1998. С. 44, 130. Рис. 18), украшенные сложным плетеным геометрическим орнаментом, основу композиции которого составляет сетка из пересекающихся под косым углом широких и узких лент. Широкие элементы орнамента имеют дополнение в виде небольших насечек, которые можно разделить на конструктивные — часть композиции, и декоративные.

Три ложки происходят с территории Троицкого раскопа. Древнейшая из них найдена на усадьбе “П” внутри постройки X-30-149, относящейся к ярусу застройки 930–940-х годов (Фараджева и др., 2014. С. 150). От этой ложки (рис. 1, 3) сохранился только треугольный в сечении черенок длиной 13 см, шириной 1.3 со слегка сужающимися к основанию сторонами. Переход от рукояти к лопасти осуществлялся через небольшую ромбовидную перемычку, по краю которой предмет был обломан в древности, что затрудняет реконструкцию целой формы изделия. Однако харак-

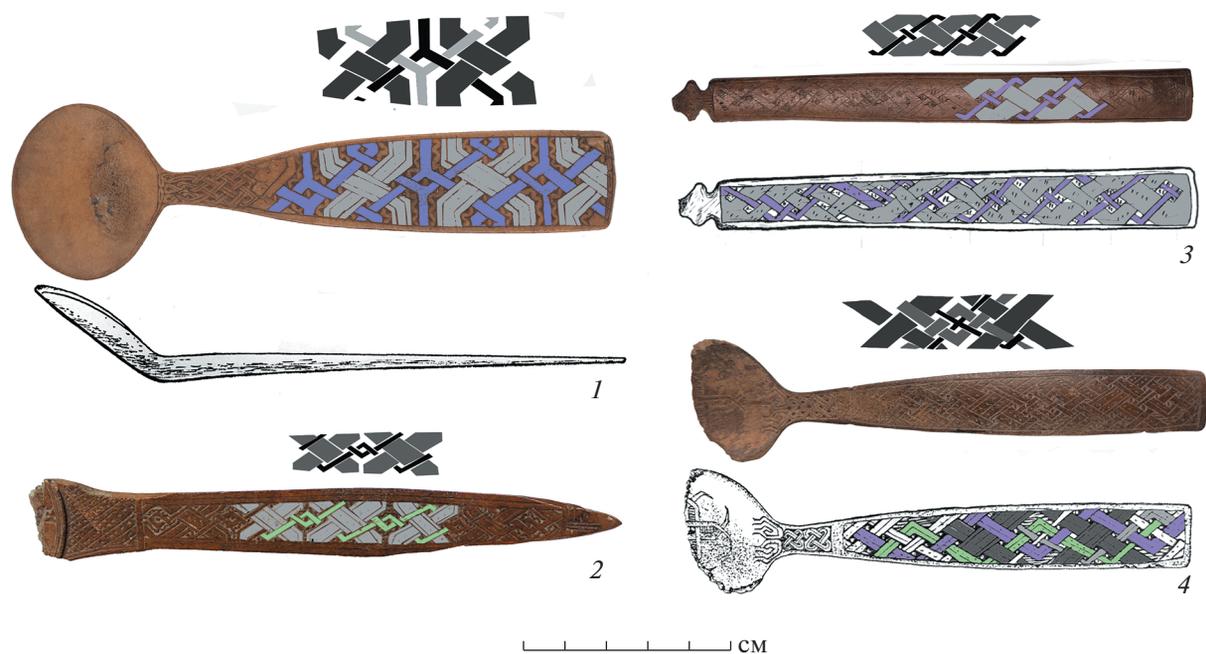

Рис. 1. Роговые ложки X–XI вв. (целая и фрагменты) из раскопок в Великом Новгороде. 1 – Троицкий VIII (рис. из описи), 18-733-87, НГОМЗ; 2 – Неревский XV, 30-1119-4, Государственный Эрмитаж (ГЭ); 3 – Троицкий X (рис. из описи), 18-1127-94, НГОМЗ; 4 – Троицкий VII (рис. из описи Н-85), 16-624-13, НГОМЗ. Фото А.М. Гринева, прорись Н.Н. Точиловой.

Fig. 1. Horn spoons of the 10th–11th centuries (a whole object and fragments) from excavations in Veliky Novgorod. Photo by A.M. Grinev, drawing by N.N. Tochilova

тер слома свидетельствует, что лопасть располагалась в одной плоскости с черенком и не имела резкого перегиба. Поверхность рукояти украшена резной цепочкой, состоящей из двух пар перевитых широких и узких лент, образующих ромбовидные звенья со скошенными углами. Звенья из широких лент по всей длине на равном расстоянии дополнены небольшими заглаблениями. Также заглавлено пространство между широкими и узкими лентами, что позволило создать едва читаемый рельеф резьбы. Важная особенность этого орнамента – нарушение регулярности в повторении его элементов: если ближе к концу рукояти звенья цепочки имеют ритм и симметрию, то у места облома цепочка становится сложной и спутанной.

Вторая ложка найдена на территории усадьбы “Г” в юго-западной части постройки VIII-24-121, относящейся к ярусу застройки 10–20-х годов XI в. (Фараджева и др., 2021. С. 139–142. Рис. 1). Ложка отличается очень хорошей сохранностью (рис. 1, 1). Она имеет круглую лопасть диаметром 4.3 см и уплощенный длинный черенок с широкой (2.5 см) частью на конце и плавно сужающейся к основанию сторонами. При переходе к лопасти ширина черенка достигает 0.8 см и его сечение сменяется на овальное. В этом месте наблюдается резкий перегиб, так что лопасть располагается относительно рукояти под углом 148°.

Черенок украшен орнаментом, основу композиции которого составляют X-образные элементы широких лент с двойным контуром, дополненные Y-образными элементами, образующими ромбические переплетения. Свободное пространство между всеми элементами хорошо проработанной зигзагообразной линией.

Шейка черенка ложки покрыта плетенкой из симметрично пересекающихся двойных лент. Орнамент имеет замкнутый характер и завершается округлыми и заостренными петлями с двух сторон. На другом конце черенка изображена тонкая полоска в виде меандра.

Третья ложка происходит с территории усадьбы “Ж” Троицкого раскопа (рис. 1, 4). Она обнаружена в комплексе находок сруба VII-23/24-68, который соотносится с ярусом застройки 20–начала 40-х годов XI в. Данный предмет имеет плоский черенок длиной 13.5 см, шириной 1.5, плавно сужающийся до 0.8 см у шейки. Лопасть ложки располагается в одной плоскости с черенком, имеет округлую форму диаметром около 3.5 см, но сохранилась только наполовину. Орнамент рукояти состоит из пересекающихся узких и широких двойных лент, дополненных контуром и двойными рядами точек. Основные элементы этого орнамента с некоторой долей условности можно свести к двум мотивам: X-образному пере-

сечению широких лент, которые дополняются продольными переплетениями тонких лент.

Еще одна ложка с плетеным геометрическим орнаментом происходит с Неревского раскопа (рис. 1, 2). Она относится к комплексу находок сруба Д26А усадьбы “Д”, который стратиграфически принадлежит к ярусу застройки последней четверти X в. (970–990-е годы) (Гринев, 2019. С. 156–161). От ложки сохранилась только рукоять, заточенная на одном из концов, и, вероятно, использовавшаяся вторично в качестве прокола. Длина черенка составляет 15 см, он имеет вытянутую форму с плавно изгибающимися сторонами и расширяющейся к лопасти шейкой. Сечение рукояти треугольное, ширина в средней части составляет 1,8 см. Лицевая сторона предмета украшена орнаментом из X-образных элементов, состоящих из отрезков широких лент с двойным контуром, и ромбообразно переплетенной тонкой ленты. X-образные элементы расположены перпендикулярно оси рукояти, не связаны с друг с другом и композиционно ограничены бордюром изобразительного поля, т.е. имеют незаконченный характер. Цепочка, образованная тонкой лентой, имеет петлеобразное завершение с одной стороны и, следовательно, может рассматриваться как единый композиционный элемент. Расстояние между широкими и узкими лентами заполняет тонкая зигзагообразная лента.

На исследованных памятниках Восточной Европы X–XI вв. роговые ложки не частая находка. Помимо Новгорода, где обнаружено большинство подобных предметов, морфологически близкие ложки известны по материалам раскопок в Старой Ладогe (Давидан, 1966. С. 111), Белоозере (Голубева, 1973. С. 172, 173. Рис. 62), на поселении Октябрьский мост (Кудряшов, 2006. С. 64, 160. Рис. 15, 7) и в Киеве (Каргер, 1958. Табл. XXVII; Сергеева, 2011. С. 35, 128). Эти предметы объединяет сходство форм, что выражается в сочетании вытянутой подпрямоугольной рукояти и круглой лопасти, но их декор и используемые орнаментальные мотивы заметно варьируются.

Другой регион, где в X–XI вв. массово фиксируются роговые ложки, – Прикамье, однако здесь их форма значительно отличается от Северо-Запада Руси. Характерная черта этих предметов – короткая и широкая рукоять, часто имеющая отверстие для подвешивания, и лопасть, форма которой может изменяться от округлой до округло-треугольной (Крыласова, 2007. С. 58–66. Рис. 24–27). На городище Иднакар, где найдено большое число разнообразных столовых приборов, чаще всего встречаются короткие ложечки с подтреугольной лопастью, плавно переходящей в короткую рукоять с отверстием (Иванова, 1998. С. 171. Рис. 73–76).

За пределами Восточной Европы ближайшие аналогии новгородским ложкам происходят из

Скандинавии, где известно наибольшее число столовых приборов, украшенных сложным плетеным орнаментом. Самые ранние из них найдены в могильнике и на поселении Бирки. Из девяти роговых ложек, обнаруженных в погребениях Хемладена, четыре имеют рукояти с плетеным геометрическим орнаментом (Arbman, 1940. Taf. 151: 3,5,6; 166:2). Все они происходят из кремаций (Vj. 11A, Vj. 129, Vj. 154, Vj. 817) и поэтому сильно фрагментированы, и только одна ложка с лопастью в виде лопатки и плетенкой на рукояти (Vj. 129) сохранилась относительно полностью. Эти погребения относятся к позднему периоду существования этого памятника (JBS) и широко датируются 890–975 гг. (Lindeberg, 1989).

В культурном слое поселения в “Черной земле” во время раскопок 1871–1878 и 1969–1973 гг. обнаружено еще 10 роговых ложек с круглыми лопастями и длинными, плавно сужающимися черенками. Рукояти четырех из них были украшены сложным плетеным геометрическим орнаментом, близким к орнаменту новгородских находок (Sörling, 2018. S. 184, 185. Fig. 550–553). Поскольку информация об археологическом контексте предметов из раскопок “Черной земли” XIX в. отсутствует, эти вещи сложно поддаются хронологической привязке, но их бытование вряд ли выходит за верхнюю границу функционирования поселения, датированную 970-ми годами.

Второй центр Скандинавии, где известны роговые ложки с плетеным геометрическим орнаментом, – Сигтуна. Из более чем 30 роговых ложек, обнаруженных за все время археологических исследований этого города, 26 украшены орнаментом из переплетающихся лент. Целых изделий найдено всего девять, еще девять экземпляров представлены лопастями с небольшими обломками рукоятей, и восемь ложек известны по обломкам черенков.

Коллекция ложек Сигтуны дает большое разнообразие форм предметов, среди которых отчетливо выделяются три группы: ложки с уплощенной длинной рукоятью и круглой лопастью, ложки с уплощенной длинной рукоятью и лопастью в форме лопаточки и ложки с короткой круглой в сечении рукоятью и круглой лопастью. Из-за фрагментарности большинства находок распределить их все по выделенным группам не представляется возможным, однако общий взгляд на коллекцию позволяет сделать определенные выводы. Среди 12 типологически определимых изделий 9 относятся к первой группе, 2 – ко второй, причем у одной из ложек трапециевидная лопастка была переделана из круглой лопасти, и 1 – к третьей. Таким образом, в материалах Сигтуны наибольший процент ложек с плетеным геометрическим орнаментом составляют ложки с длинной плоской ручкой и круглой лопастью.

О широком распространении в Сигтуне декорированных столовых приборов из плотного рога свидетельствует также их топография. Ложки с геометрическим орнаментом обнаружены на раскопах в разных частях города, в том числе и на хорошо стратифицированных участках, позволяющих надежно установить датировку культурных отложений благодаря дендрохронологии. Распределение данных ложек в культурном слое свидетельствует об их бытовании на протяжении всей истории средневековой Сигтуны с конца X до середины XIII в. (Lundberg, 1942. S. 38, 39. Fig. 14; Bäck, Carlsson, 1994. S. 67. Fig. 52; Ros, 2009. S. 113–125; Söderberg, 2011; Heimer et al., 2021. S. 128), при этом более половины датированных находок приходится на XI в.¹

Рассматривая плетеный геометрический орнамент, которым были украшены ложки из Сигтуны и Бирки, исследователи неоднократно отмечали, что по материалам этнографии такой декор получил наибольшее распространение в культуре саамов (Skandfer, 1997. S. 4–10, 41; Zachrisson, 1997. S. 209, 210; Zachrisson, 2020. S. 11–18). Многие предметы кочевых народов Лапландии, Тромсё и Финнмарка, такие как молотки шаманских бубнов, рамочные замки от плетеных и кожаных сумок, рукояти ножей, фляги и роговые ложки были декорированы плетеной из пересекающихся под углом лент разной ширины (Moberg et al., 2006. Ill. 158, 159, 169, 173, 197).

У саамов ложки появляются еще в эпоху средневековья, о чем свидетельствуют отдельные их находки в погребениях Северной Норвегии (Skandfer, 1997. S. 43–45). Ряд исследователей полагают, что широкое распространение этих предметов связано здесь с постепенным переходом от кочевого рыболовецкого характера хозяйства к полуоседлому оленеводству, когда у этих народов существенным образом изменилась культура питания (Itkonen, 1948. P. 303, 304; Skandfer, 1997. S. 81, 82; Immonen, 2006. P. 47, 48). Важно отметить, что среди материалов средневековых саамских памятников ложки с плетеным орнаментом практически неизвестны. Однако большинство исследователей, обращавшихся к этой проблеме, отмечали очевидное сходство декора ложек из Бирки и Сигтуны с декором бытовых предметов кочевых народов Северной Скандинавии, что неизбежно поставило вопрос о происхождении плетеного геометрического орнамента как такового.

Эта проблема изучается уже более 100 лет и за это время накопила весьма обширную историографию (Zachrisson, 2020. S. 6–13). О декоративно

прикладном искусстве саамов I тыс. н.э. известно сравнительно немного. И. Захриссон в своих работах по материальной культуре этих племен отмечал, что разного рода плетения из расположенных под углом друг к другу лент и полос распространены на предметах в саамскихкладах металлических украшений, и предполагала, что они являются “культурной консервацией” плетенок более раннего времени (Zachrisson, 1984. S. 109). Впоследствии эта точка зрения была подвергнута критике (Skandfer, 1997. S. 7, 8).

Новую информацию о происхождении сложного геометрического орнамента позволило получить обращение к резьбе деревянных лыж Северной Европы. На территории Фенноскандии обнаружено около 200 деревянных лыж, относящихся к раннему железному веку — средневековью, из которых около 30 украшены различными плетениями (Serning, 1960. S. 276–281. Pl. 46–48; Manker, 1971. S. 77–79). Один из основных элементов их орнамента — геометризованный замкнутый узел с четырьмя петлями, где общий абрис и каждый элемент узла выполнены в форме ромба (рис. 2, 5). Радиоуглеродные даты, полученные с 28 предметов, позволили установить, что наиболее ранние образцы с таким орнаментом могут быть датированы 700–850-ми годами, что стало важным аргументом для доказательства саамских корней подобного декора (Zachrisson, 2020. S. 16, 17).

Наряду с ложками и лыжами сложный плетеный геометрический орнамент в эпоху викингов украшает также роговые гребни (Ambrosiani, 1984. S. 162–164, 172; Zachrisson, 2020. S. 6–11), рамочные замки сумок (Zachrisson, 2015. S. 323–328), разные рукояти и берестяную посуду (Christophersen, 1987. P. 50, 51, 88, 89). При этом важно подчеркнуть, что все эти изделия происходят из городов, находящихся на стыке саамской и скандинавской культур (Zachrisson, 2008. S. 32–37). Бирка, Сигтуна, а также Тронхейм известны как торгово-ремесленные центры, в которых сосредотачивались различные продукты обмена, в том числе рога северного оленя и шкуры пушных зверей, поставляемые саамами (Zachrisson, 2020. S. 18–20). По всей видимости, резные роговые изделия со сложным плетеным узором изготавливались здесь профессиональными городскими мастерами-косторезами под определенным влиянием художественных традиций Северной Скандинавии.

Влияние саамского искусства на скандинавское не было односторонним, и в ряде примеров можно проследить гибридный орнамент, свидетельствующий и об обратной связи. Одним из таких примеров служит шаманский молоточек (рис. 2, 7) из Нордсет, Норвегия (1160–1260), декор которого сочетает узел с тремя заостренными ромбическими петлями и рапорты растительного

¹ Надежно к XI в. можно отнести ложки из раскопов Trädgårdsmästaren 9 и 10 (№ 10583, 11134, 24725, 27197), Humlegården 10–11 1976 (№ 996/997), Urmakaren 1 (№ 4620), Professorn 1/1999–2000 (№ 14584), S:ta Gertrud 3 (№ 114), Storgatan 1941/Palmeska tomten.

Рис. 2. Плетеный орнамент в средневековом искусстве саамов. 1 – молоточек от шаманского бубна (?), В. Новгород, Власьевский II раскоп (по: Новгородский [Электронный ресурс]); 2 – роговая ложка, Троицкий VIII (опись Н-87), 18-733-87; 3 – обломок роговой ложки, Неревский XV, 30-1119-4, ГЭ; 4 – обломок роговой ложки, Троицкий VII (опись Н-85), 16-624-13; 5 – фрагмент ложки; 6 – фрагмент ложки, Пурну, провинция Норрботтен, Швеция (5, 6 – по: Serning, 1960. Pl. 47); 7 – молоточек от шаманского бубна, Нордсет, округ Иннландет, Норвегия (по: Zachrisson, 2020. S. 15). 2–4 – фото А.М. Гринева, прорись Н.Н. Точиловой. Без масштаба.

Fig. 2. Interlaced ornament in the medieval art of the Sami. 2–4 – photo by A.M. Grinev, drawing by N.N. Tochilova. Not to scale

орнамента, имеющие стилистические аналогии в позднем искусстве эпохи викингов (Zachrisson, 2020. S. 15). Другим вариантом взаимодействия художественных традиций может быть орнаментальный мотив (рис. 2, 6) на ложке из Пурну, Швеция (Serning, 1960. S. 287, Pl. 47). По сравнению с традиционным саамским декором, широко распространенным в украшении данной категории предметов, орнамент ложки из Пурну представляет сложное неупорядоченное плетение, логика построения которого близка мотиву на новгородской ложке с усадьбы “П” Троицкого X раскопа.

Интересная стилистическая аналогия такому плетению обнаруживается на шестигранной костяной рукоятке (рис. 3, 2) меча из кургана 19 Сунд Стенхаген на Аландских островах (Kivikoski, 1973. S. 75. Taf. 56). Один из элементов декора рукоятки – цепочка, которая близка мотиву на новгородской ложке с Троицкого X раскопа (рис. 3, 1). Эта цепочка имеет законченную композицию с характерными петлями на конце, что широко

распространено среди декора костяных и деревянных предметов Пруссии эпохи викингов (рис. 3, 4) и Новгорода (рис. 3, 5) X–XII вв. (Кулаков, 2019. С. 6; Точилова, 2020. С. 212). Происхождение подобного рода мотива можно связывать с процессом ассимиляции и упрощения цепочек стиля борре, известного на территориях, контактировавших со скандинавской культурой. Декор рукоятки из Сунд Стенхаген позволяет проследить геометризацию таких цепочек, что стилистически сближает его с орнаментами скандинавских и древнерусских ложек.

Другим вариантом попытки подражания цепочке может служить декор предмета из рога, обнаруженного в 2011 г. в Новгороде на Власьевском II раскопе, который по предварительной атрибуции является молоточком шаманского бубна (рис. 2, 1). Декор лопасти молоточка представляет сложный рисунок спутанных изломанных линий, образованных в результате переплетения двойных цепочек с ромбообразными звеньями, сре-

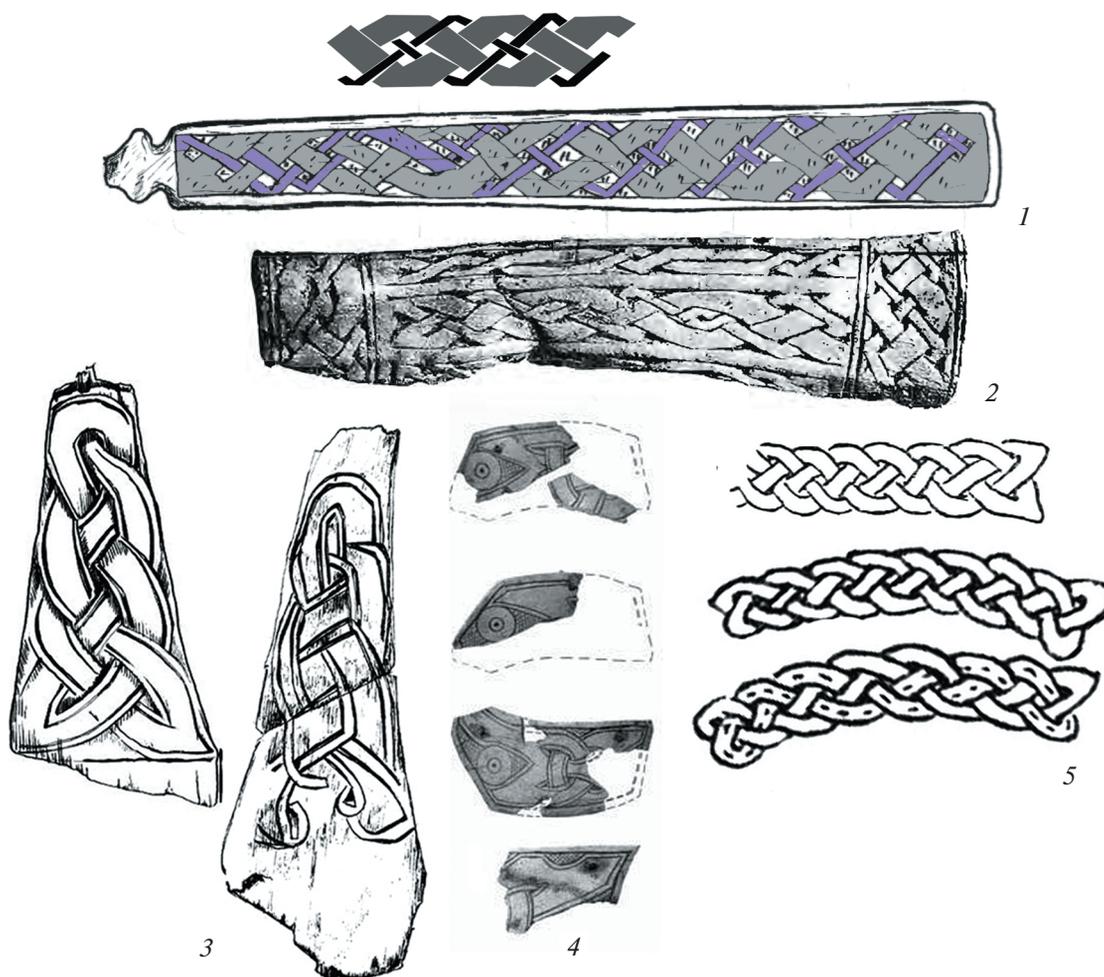

Рис. 3. Развитие плетеного орнамента на территориях контактов со скандинавской культурой. 1 – обломок роговой ложки, Троицкий X, 18-1127-94, НГОМЗ (опись Н-94, Троицкий X); 2 – обломок роговой рукоятки, Аландские острова (по: Kivikoski, 1973. Taf. 56, 513c); 3 – санные копылы, Троицкий VIII, 13-северная траншея (опись Н-86); Троицкий I-II, 25 ярус (опись Н-74); 4 – костяные накладки, Малый Кауп (по: Кулаков, 2019. Рис. 7); 5 – мотивы цепочек в декоре каменных крестов с о. Мэн (по: Kermodé, 1994. Fig. 22). Без масштаба.

Fig. 3. Development of interlaced patterns in the territories of contacts with the Scandinavian culture. Not to scale

занными по краям. Именно этот эффект дает возможность прочесть весь мотив как сочетание Хробразных элементов. В этом же контексте можно интерпретировать X–Y-образные мотивы, представленные на ложках с усадьб “Г”, “Ж” Троицкого раскопа и усадьбы “Д” Неревского раскопа (рис. 2, 2–4).

Стилизованную цепочку борре с различными вариациями можно увидеть также на рукоятках ложек из Бирки (рис. 4, 5) и Сигтуны (рис. 4, 6, 7). Морфология орнамента из Бирки близка новгородскому варианту, однако в данном случае широкие ленты становятся еще больше благодаря наличию полей. Линии, разделяющие ленты на составные части, имеют засечки, которые в ряде случаев несут конструктивную нагрузку, обозначая точку изменения направления линий, и декоративную, если расположены посередине отрезка.

Другой упрощенный вариант цепочки можно увидеть на ложке из Сигтуны (рис. 4, 6). Здесь мотив цепочки сведен к изображению ряда самостоятельных ромбических элементов, но сохраняется общая идея композиции, основанная на пересечении тонкой и широкой лент. Так же, как и на рукоятке ложки из Бирки, орнамент имеет конструктивный и декоративный характер.

Этот орнамент известен и в декоре древнерусских находок, причем его вариативность и качество исполнения могут значительно различаться. Например, фактически полную аналогию цепочки новгородской ложки с усадьбы “П” Троицкого раскопа можно найти в орнаменте одностороннего наборного гребня, обнаруженного на Троицком VIII раскопе (рис. 4, 4). Единственное отличие этих орнаментов – заполнение ромбических

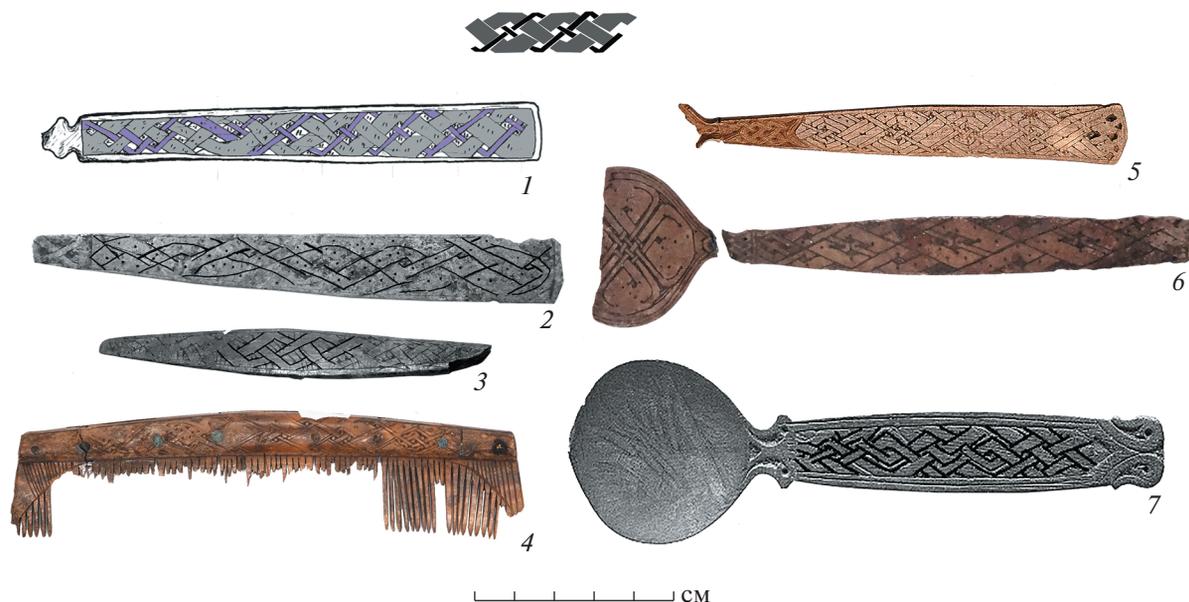

Рис. 4. Плетеный орнамент в декоре археологических предметов средней Швеции и северо-запада Древней Руси. 1 – обломок ложки, Троицкий X (рис. из описи Н-94), 18-1127-94, НГОМЗ; 2 – обломок ложки, Старая Ладога, 16/4760, ГЭ; 3 – обломок ложки, Старая Ладога, 67/687, ГЭ; 4 – обломок гребня, Троицкий VIII, 21-645-407, НГОМЗ; 5 – обломок ложки, Бирка, “Черная земля”, № 5208: 552, Шведский исторический музей (Swedish History Museum, SHM), Стокгольм; 6 – обломки ложки, Сигтуна, раскоп Professorn 1, № 14584, музей Сигтуны (Sigstuna museum); 7 – обломки ложки, Сигтуна, № 17510: 2, SHM. 1–3, 5–7 – рог; 4 – кость. 2, 3 – фото А.М. Гринева; прорись Н.Н. Точиловой; 4–6 – фото А.М. Гринева; 7 – фото SHM. 3, 7 – без масштаба.

Fig. 4. Interlaced ornament in the decor of archaeological objects from middle Sweden and the north-west of Rus. 2, 3 – photo by A.M. Grinev; drawing by N.N. Tochilova; 4–6 – photo by A.M. Grinev; 7 – photo of SHM. 3, 7 are not to scale

фигур, образованных пересечением широких и узких лент: на гребне они представлены зигзагообразными линиями и жемчужинами. Такие же жемчужинки расположены в углах тонких лент. Противопоставить этим художественным изделиям можно фрагменты ложек из Старой Ладоги, чьи рукоятки либо декорированы очень простым вариантом цепочки (рис. 4, 3), либо цепочка имеет большое количество неточностей в исполнении (рис. 4, 2).

Таким образом, можно сделать предположение, что мотив подобного рода цепочки – один из вариантов борре, прошедшего длительный путь стилизации и геометризации. Косвенным образом об этом свидетельствует нарушение ритма орнамента на новгородской ложке с усадьбы “П”. Такая ошибка дает возможность рассматривать создание орнамента от сложного изображения к простому образу, что вероятно в том случае, когда художник не вполне понимал изначальный композиционный замысел.

Роговые ложки с плетеным геометрическим орнаментом – исключительное явление в материальной культуре Новгорода. Художественное оформление этих предметов заметно выделяется из общего ряда образов, характеризующих декоративно-прикладное искусство Северо-Запада Руси в X–XI вв. Данные находки в культурном

слое Новгорода характеризуют, прежде всего, одно из направлений скандинавского искусства резьбы по кости, при этом материалы из раскопок северо-европейских городов позволяют сузить этот регион до Средней Швеции. В самих Бирке и Сигтуне подобные вещи связывают с саамскими художественными традициями. При этом признается специфический городской и профессиональный характер изготовления этих изделий (Zachrisson, 2020. S. 18–20). Отчасти это подтверждается использованием орнаментальных элементов, характерных для скандинавского искусства эпохи викингов.

В раннем Новгороде данные ложки, по меньшей мере, маркируют контакты его жителей с выходцами из центров Средней Швеции, а вероятнее всего свидетельствуют о непосредственном присутствии скандинавов в жизни молодого города. Художественная резьба по кости и рогу, по видимому, выполнялась профессиональными косторезами на заказ. Об этом можно судить по большому объему труда, вложенного в каждый предмет, и индивидуальному характеру ложек, так как двух одинаковых изделий до сих пор не найдено. Вероятно, эти приборы выполняли более значимую функцию, чем просто столовые принадлежности. Этнографическими исследованиями традиционных саамских обществ установ-

лено, что орнаментированные роговые ложки ассоциировались со своими владельцами и их декор мог, с одной стороны, подчеркивать индивидуальность и принадлежность предмета собственнику, а с другой стороны — его отношение к определенному роду (Skandfer, 1997. S. 75–79; Immonen, 2006. P. 47–49).

В этой связи видится маловероятным, что рассмотренные в статье роговые ложки могли выступать в Новгороде предметами торговли или обмена, хотя нельзя исключать, что за пределами Скандинавского полуострова такая связь вещи и владельца могла заметно ослабнуть. О принадлежности резных ложек с плетеным геометрическим орнаментом выходцам из Северной Европы косвенно свидетельствует и планиграфия находок. Как было показано исследованиями по пространственному распределению предметов скандинавского круга древностей в культурном слое Новгорода, все рассмотренные роговые ложки происходят с усадеб, где скандинавское присутствие усматривалось в комплексе других бытовых принадлежностей (Гринева, 2019. С. 176–178; Мусин, Тарабардина, 2019. С. 767–777).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 212 с.
- Гринева А.М.* Усадьбы Неревского конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Неревского раскопа): дис. ... канд. ист. наук / Московский гос. ун-т. М., 2019. 271 с.
- Давидан О.И.* Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // Эпоха бронзы и раннего железа. Славяне. Л.: Советский художник, 1966 (Археологический сборник Гос. Эрмитажа; вып. 8). С. 103–115.
- Иванова М.Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы Уральского отд. РАН, 1998. 294 с.
- Каргер М.К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 684 с.
- Крыласова Н.Б.* Археология повседневности: Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2007. 352 с.
- Кудряшов А.В.* Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2006. 197 с.
- Кулаков В.И.* Плетеный орнамент в древностях пруссов // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2019. № 4 (22). С. 1–9.
- Мусин А.Е., Тарабардина О.А.* Скандинавы среди переселенцев Новгорода по данным археологии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 762–785.
- Новгородский музей заповедник. Коллекции онлайн. Рукоять. XI в. [Электронный ресурс]. URL: <https://novgorod-iss.kamisccloud.ru/entity/OBJECT/296427?query=КП%2047924-347&fund=11&index=0> (дата обращения: 01.02.2023).
- Покровский Н.В.* Иерусалимы или сионы Софийской ризницы в Новгороде. СПб.: Синод. тип., 1911. 71 с.
- Сергеева М.С.* Косторізна справа у Стародавньому Києві. Киев: КНТ, 2011. 251 с.
- Смирнова Л.И.* Косторезное ремесло средневекового Новгорода: дис. ... канд. ист. наук / Московский гос. ун-т. М., 1998. 152 с.
- Стерлигова И.А.* Памятники серебряного и золотого дела в Новгороде XI–XII вв. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV веков. М.: Наука, 1996. С. 26–69.
- Точилова Н.Н.* Новгородские резные копылы X–XII вв.: типология и происхождение декора // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы XXXIII науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения В.Л. Янина. Великий Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник, 2020. С. 208–213.
- Фараджева Н.Н., Тарабардина О.А., Гайдуков П.Г.* Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Троицкого раскопа) // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 134–159.
- Фараджева Н.Н., Тарабардина О.А., Гайдуков П.Г.* Планировка и застройка одного из кварталов Людина конца Новгорода в XI в. (по материалам северо-западных усадеб Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 34. Материалы XXXIV научной конференции, посвящ. памяти Е.Н. Носова. Великий Новгород, 2021. С. 135–149.
- Ambrosiani K.* Kämme // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1984. S. 161–176.
- Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1940. 282 Taf.
- Bäck M., Carlsson M.* Kvarteret S:ta Gertrud 3: stadsgårdar och gravar i Sigtuna ca 970–1100: Uppland Sigtuna RAÄ 195: arkeologisk undersökning. Stockholm: Riksantikvarieämbetet, 1994. 180 s.
- Christoffersen A.* Trondheim — en by i middelalderen. Trondheim: Riksantikvarens utgravningskontor, 1987. 107 s.
- Heimer O., Runer J., Söderberg A.* Fas-, tomt- och husbeskrivningar // Hos Herr Niklas och annat skrivkunnigt folk. Arkeologisk undersökning i kvarteret Profesorn 1, Sigtuna, 1999–2000. Sigtuna: Sigtuna Museum, 2021. S. 51–400.
- Immonen V.* Sami spoons as artefacts of ethnicity: archaeological reflections on an ethnographic artefact group // People, material culture and environment in the north: proceedings of the 22nd Nordic Archaeological Conference, University of Oulu, 18–23 August 2004. Oulu: University of Oulu, 2006. P. 42–51.

- Itkonen T.* Suomen lappalaiset vuoteen 1945. Osa I. Porvoo: WSOY (Werner Söderström), 1948. 589 s.
- Kermode P.M.S.* Manx Crosses. Balgavies, Angus: Pinkfoot Press, 1994. 216 p., LXVI pl.
- Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki: Söderström, 1973. 150 S., 147 Taf.
- Lindeberg I.* Löffel // Birka II:3. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1989. S. 135–136.
- Lundberg E.* Från Palmeska tomten. En grundgrävning 1941 // Situne Dei. Sigtuna fornhems årsbok. 1. Sigtuna: Sigtuna Boktryckeri, 1942. S. 25–40.
- Manker E.* Fennoskandias fornskidor: preliminär rapport från en inventering // Fornvännen. 1971. № 66. S. 77–91.
- Moberg T., Jorn A., Rosing J., Franceschi G.* Sami Folk Art. Ten Thousand Years of Folk Art in the North. Köln: König, 2006. 312 p.
- Ros J.* Stad och gård. Sigtuna under sen vikingatid och tidig medeltid. Uppsala: Uppsala universitet, 2009 (Occasional papers in archaeology; 45). 288 s.
- Serning I.* Övre Norrlands Järnålder. Umeå: Tryckeriaktiebolaget city, 1960. 289 s.
- Skandfer M.* Čoarverbasttet: Samiske hornskjeer fra middealder til moderne tid. Hovedfagsoppgave arkeologi. Tromsø: Universitetet Tromsø, 1997. 208 s.
- Söderberg A.* Fas-, tomt- och husbeskrivningar // Fem stadsgårdar – arkeologisk undersökning i kv. Trädgårdsmästaren 9 & 10 i Sigtuna 1988–90. Sigtuna: Sigtuna Museum, 2011. S. 31–140.
- Sörling E.* Fynden från “Svarta Jorden” på Björkö från Hjalmar Stolpes undersökningar: katalog. Uppsala: Institutionen för arkeologi och antik historia vid Uppsala universitet, 2018. 390 s.
- Zachrisson I.* De samiska metalldepåerna år 1000–1350 i ljuset av fyndet från Mörtträsket, Lappland. Umeå: University of Umeå, 1984. 141 s.
- Zachrisson I.* The Sami and their interaction with the Nordic peoples // The Viking world. London; New York: Routledge, 2008. P. 32–39.
- Zachrisson I.* Samiska väskor på svenska örlogsskepp // Tjop tjop! Vänbok till Christer Westerdahl med anledning av hans 70-årsdag den 13. November 2015. Skärhamn: Båtdokgruppen, 2015. S. 321–330.
- Zachrisson I.* Samer i Sigtuna? Om flätbandsornamentik i äldre tid // Situne Dei: Årsskrift för Sigtunaforskning och historisk arkeologi 2020. Sigtuna: Sigtuna Museum, 2020. S. 6–23.
- Zachrisson I., Alexandersen V., Gollwitzer M., Iregren E., Konigsson L.-K., Siven C.-H., Strade N., Sundstrom J.* Moten i gransland. Samer och germaner i Mellanskandinavien. Stockholm: Statens historiska museum, 1997. 272 s.

HORN SPOONS OF THE 10th–11th CENTURIES WITH GEOMETRIC INTERLACED ORNAMENT FROM EXCAVATIONS IN NOVGOROD (BASED ON THE MATERIALS OF THE NEREVSKY AND TROITSKY EXCAVATIONS)

Andrey M. Grinev^{a, #}, Nadezhda N. Tochilova^{b, ##}

^aYaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

^bSt. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design, St. Petersburg, Russia

[#]E-mail: amgrinev@mail.ru

^{##}E-mail: arhivolt@yandex.ru

The article deals with comprehensive study of four horn spoons from the early strata of Troitsky and Nerevsky excavation sites from Veliky Novgorod. The main hallmark distinguishing these artefacts among analogies is highly artistic geometric interlaced ornament, which has not been studied fully and is not discussed in Russian historiography. The complex use of archaeological and artistic analysis made it possible to interpret the origins of interlaced ornament in archaeological contexts. The closest typological and stylistic analogies were found in the medieval urban centres of Middle Sweden, on the boundaries of the Scandinavian and Sami cultures. The research prompted an assumption about the North European origin of these spoons from the Novgorod cultural deposit. The ornaments of these artefacts can be regarded as one of the areas of Scandinavian art influenced by Sami tradition.

Keywords: medieval Novgorod, Sigtuna, Birka, horn spoons, geometric interlaced ornament, Scandinavian art, Sami art, cultural frontier.

REFERENCES

- Ambrosiani K.*, 1984. Kämme. *Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, pp. 161–176.
- Arbman H.*, 1940. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm: Almquist & Wiksell. 282 tabl.
- Bäck M., Carlsson M.*, 1994. Kvarteret S: ta Gertrud 3: stadsgårdar och gravar i Sigtuna ca 970–1100: Uppland Sigtuna RAÄ 195: arkeologisk undersökning. Stockholm: Riksantikvarieämbetet. 180 p.
- Christophersen A.*, 1987. Trondheim – en by i middelalderen. Trondheim: Riksantikvarens utgravningskontor. 107 p.

- Davidan O.I., 1966. Old Ladoga products made of bone and horn (based on the excavations of the Old Ladoga expedition of the Institute for the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences). *Epokha bronzy i rannego zheleza. Slavyane [Bronze Age and Early Iron Age. Slavs]*. Leningrad: Sovetskiy khudozhnik, pp. 103–115. (Arkhelogicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha, 8). (In Russ.)
- Faradzheva N.N., Tarabardina O.A., Gaydukov P.G., 2014. Estates of Yarysheva street in Lyudin district of medieval Novgorod in the 10th century AD (based on the materials from the Troitsky excavation site). *Rus' v IX–XII vekakh: obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura [Rus in the 9th–12th centuries AD: society, state, culture]*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 134–159. (In Russ.)
- Faradzheva N.N., Tarabardina O.A., Gaydukov P.G., 2021. The layout and structures of a quarter in Lyudin district of Novgorod during the 11th century AD (based on the materials from the northwestern estates of the Troitsky excavation site). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology]*, 34. *Materialy XXXIV nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati E.N. Nosova [Materials of the XXXIV Scientific conference in memory of E.N. Nosov]*. Velikiy Novgorod, pp. 135–149. (In Russ.)
- Golubeva L.A., 1973. Ves' i slavyane na Belom ozere X–XIII vv. [The Ves and the Slavs on Lake Beloye in the 10th–13th centuries AD]. Moscow: Nauka. 212 p.
- Grinev A.M., 2019. Usad'by Nerevskogo kontsa srednevekovogo Novgoroda v X v. (po materialam Nerevskogo raskopa): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Estates of the Nerevsky district of medieval Novgorod in the 10th century AD (based on the materials from the Nerevsky excavation site): a thesis for the Doctoral Degree in history]. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. Moscow. 271 p.
- Heimer O., Runer J., Söderberg A., 2021. Fas-, tomt- och husbeskrivningar. *Hos Herr Niklas och annat skrivkunnigt folk. Arkeologisk undersökning i kvarteret Professorn 1, Sigtuna, 1999–2000*. Sigtuna: Sigtuna Museum, pp. 51–400.
- Immonen V., 2006. Sami spoons as artefacts of ethnicity: archaeological reflections on an ethnographic artefact group. *People, material culture and environment in the north: proceedings of the 22nd Nordic Archaeological Conference, University of Oulu, 18–23 August 2004*. Oulu: University of Oulu, pp. 42–51.
- Itkonen T., 1948. Suomen lappalaiset vuoteen 1945, part 1. Porvoo: WSOY (Werner Söderström). 589 p.
- Ivanova M.G., 1998. Idnakar: Drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv. [Idnakar: Ancient Udmurt fortified settlement of the 9th–13th centuries AD]. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 294 p.
- Karger M.K., 1958. Drevniy Kiev. Ocherki po istorii material'noy kul'tury drevnerusskogo goroda [Ancient Kiev. Studies on the history of the material culture of the Rus town], 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 684 p.
- Kermode P.M.S., 1994. Manx Crosses. Balgavies, Angus: Pinkfoot Press. 216 p., LXVI pl.
- Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki: Söderström. 150 p., 147 tabl.
- Krylasova N.B., 2007. Arkheologiya povsednevnosti: Material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya [Archaeology of everyday life: Material culture of the medieval Cis-Urals]. Perm': Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 352 p.
- Kudryashov A.V., 2006. Drevnosti Sredney Sheksny X–XIV vv. [Antiquities of the Middle Sheksna of the 10th–14th centuries AD]. Cherepovets: Cherepovetskiy gosudarstvennyy universitet. 197 p.
- Kulakov V.I., 2019. Interlaced ornament in Prussian antiquities. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo [Memoirs of Novgorod State University]*, 4 (22), pp. 1–9. (In Russ.)
- Lindeberg I., 1989. Löffel. *Birka II:3. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, pp. 135–136.
- Lundberg E., 1942. Från Palmeska tomten. En grundgrävning 1941. *Situne Dei. Sigtuna fornheims årsbok*, 1. Sigtuna: Sigtuna Boktryckeri, pp. 25–40.
- Manker E., 1971. Fennoskandias fornsidor: preliminär rapport från en inventering. *Fornvännen*, 66, pp. 77–91.
- Moberg T., Jorn A., Rosing J., Franceschi G., 2006. Sami Folk Art. Ten Thousand Years of Folk Art in the North. Köln: König. 312 p.
- Musin A.E., Tarabardina O.A., 2019. Scandinavians among the first settlers of Novgorod based on archaeological evidence. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Vestnik of Saint Petersburg State University. History]*, vol. 64, iss. 2, pp. 762–785. (In Russ.)
- Novgorodskiy muzey zapovednik. Kollektii onlayn. Rukoyat'. XI v. (Elektronnyy resurs) [Novgorod Museum Reserve. Collections online. Handle. 11th century AD (Electronic resource)]. URL: <https://novgorod-iss.kamisccloud.ru/entity/OBJECT/296427?query=КП%2047924-347&fund=11&index=0>.
- Pokrovskiy N.V., 1911. Ierusalimy ili siony Sofiyskoy riznitsy v Novgorode [“Jerusalem” or “Zion” structures of the St. Sophia sacristy in Novgorod]. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya. 71 p.
- Ros J., 2009. Stad och gård. Sigtuna under sen vikingatid och tidig medeltid. Uppsala: Uppsala universitet. 288 p. (Occasional papers in archaeology, 45).
- Sergeeva M.S., 2011. Kostorizna sprava u Starodavn'omu Kievi [Bone-carving craft of old Kiev]. Kiev: KNT. 251 p.
- Serning I., 1960. Övre Norrlands Järnålder. Umeå: Tryckeriaktiebolaget city. 289 p.
- Skandfer M., 1997. Čoarverbasttet: Samiske hornskjeer fra middelalder til moderne tid. Hovedfagsoppgave arkeologi. Tromsø: Universitetet Tromsø. 208 p.
- Smirnova L.I., 1998. Kostoreznoe remeslo srednevekovogo Novgoroda: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Bone-carving craft of medieval Novgorod: a thesis for Doctoral Degree in history]. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. Moscow. 152 p.
- Söderberg A., 2011. Fas-, tomt- och husbeskrivningar. *Fem stadsgårdar – arkeologisk undersökning i kv. Trädgårds-mästaren 9 & 10 i Sigtuna 1988–90*. Sigtuna: Sigtuna Museum, pp. 31–140.

- Sörling E.*, 2018. Fynden från “Svarta Jordan” på Björkö från Hjalmar Stolpes undersökningar: katalog. Uppsala: Institutionen för arkeologi och antik historia vid Uppsala universitet. 390 p.
- Sterligova I.A.*, 1996. Monuments of silver- and goldwork art in Novgorod of the 11th–12th centuries AD. *Dekoratивно-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda. Khudozhestvennyy metall XI–XV vekov [Decorative and applied art of Veliky Novgorod. Artistic metal of the 11th–15th centuries AD]*. Moscow: Nauka, pp. 26–69. (In Russ.)
- Tochilova N.N.*, 2020. Novgorod carved sled runner support bars of the 10th–12th centuries AD: typology and origin of décor. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya: materialy XXXIII nauchnoy konferentsii, posvyashchenoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya V.L. Yanina [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology: Proceedings of the XXXIII Scientific conference to the 90th anniversary of V.L. Yanin]*. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinennyi muzey-zapovednik, pp. 208–213. (In Russ.)
- Zachrisson I.*, 1984. De samiska metalldepåerna år 1000–1350 i ljuset av fyndet från Mörtträsket, Lappland. Umeå: University of Umeå. 141 p.
- Zachrisson I.*, 2008. The Sami and their interaction with the Nordic peoples. *The Viking world*. London; New York: Routledge, pp. 32–39.
- Zachrisson I.*, 2015. Samiska väskor på svenska örlogsskepp. *Tjop tjop! Vänbok till Christer Westerdahl med anledning av hans 70-årsdag den 13. November 2015*. Skärhamn: Båtdokgruppen, pp. 321–330.
- Zachrisson I.*, 2020. Samer i Sigtuna? Om flätbandsornamentik i äldre tid. *Situne Dei: Årsskrift för Sigtunaforskning och historisk arkeologi 2020*. Sigtuna: Sigtuna Museum, pp. 6–23.
- Zachrisson I., Alexandersen V., Gollwitzer M., Iregren E., Königsson L.-K., Siven C.-H., Strade N., Sundstrom J.*, 1997. Moten i gransland. Samer och germaner i Mellanskandinavien. Stockholm: Statens historiska museum. 272 p.